

УДК 321.7

Флуктуации в пропорции государственного принуждения и протестного выражения: моделирование движения демократической современности

Пустошинская Ольга Сергеевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра новой истории и мировой политики,
Тюменский государственный университет,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Семакова, 10;
e-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблематике демократического развития, соразмерности между объемом государственного принуждения и уровнем свободы протестного выражения в одноименных системах. Автор, акцентируя внимание на факторе неизбежных колебаний вокруг точки баланса, формирует модель демократической динамики, воспроизводит в упрощенном и доступном для понимания виде траектории динамику современных демократий. Главный вывод состоит в том, что соотношение объемов государственного принуждения и степени предоставляемой свободы протестного выражения имеет политическое значение для качества соответствующего развития. Это подтверждается результатами теоретического исследования актуальных процессов, отношений, правовых изменений. В качестве отдельной части достигнутого результата можно рассматривать подход к выбору методологического инструментария. Логика ориентации на объединение теорий из гуманитарных и точных наук в единый конструкт при условии конгруэнтности идей может быть востребована в иных исследовательских проектах.

Для цитирования в научных исследованиях

Пустошинская О.С. Флуктуации в пропорции государственного принуждения и протестного выражения: моделирование движения демократической современности // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 2. С. 41-56.

Ключевые слова

Демократический процесс, права и свободы личности и гражданина, государственное принуждение, протестное выражение, криминализация протеста, модель динамики демократической современности.

Введение

Вопросы векторности развития, взаимосвязи и соразмерности власти истеблишмента и контрвлияния гражданского сообщества в демократических системах относятся к наиболее сложным, острым, неисчерпаемым, о чем свидетельствует перманентный интерес к данному тематическому блоку как представителей зарубежной, так и российской обществоведческой науки. Высшим достижением познавательной деятельности в данном направлении является концептуальный ряд, интегрирующий теории демократии, гражданского общества, конфликта, социальных движений, протеста, демократического транзита.

Современная реальность, высокодинамичная, неустойчивая, конфликтно-рискогенная, слабо прогнозируемая, вступившая в фазу IT- и наномодернизации, переформатирования мирового порядка и парадигмального кризиса, играет на поддержание соответствующего внимания. Протестная мобилизация, охватившая значительный сегмент демократического мира, актуализирует частный аспект проблематики, требуя адекватной исследовательской рефлексии.

В данной статье преследуется цель смоделировать траекторию движения демократической современности. Основная гипотеза сформулирована следующим образом: изменения в соотношении принудительно-сдерживающей силы государства и свободы протестного выражения определяют колебательную динамику демократического процесса. Пропорциональность в этом смысле рассматривается как индикатор наступления очередного цикла демократической практики, постепенная трансформация которой неизбежно влечет его смену.

В качестве базовых ориентиров в работе используются две теории: волн демократии С. Хантингтона и циклов конъюнктуры Н. Кондратьева. Идея увязать теории, референтом одной из которых выступает политический срез действительности, а другой – экономический, в единый регулятив корреспондирует развернутой цели настоящего проекта, объединяющей интерпретационную направленность с получением практического результата. Концептуальные положения, взятые в формате комплементации, призваны обеспечить знанием, благоприятствующим объяснительному процессу, и одновременно снабдить алгоритмом для конструирования модели.

При решении вопроса о правомерности приложения экономической матрицы к политическому процессу релевантна апелляция к следующим аргументам. Во-первых, политическое и экономическое неразрывно переплетены в своих взаимодействиях и развиваются в целостной данности. Во-вторых, пространство социально-властных коммуникаций в демократиях в силу договорного, обменного и конкурентного характера зачастую в плоскости выработки смыслов отождествляется с рынком, что убеждает в мысли о корректности использования обозначенной концепции для планируемых в данном тексте построений. В-третьих, в логике обнаружения закономерностей, которую демонстрируют оба исследова-

теля, фиксируется высокая степень конвергенции. Наконец, доводом может служить мысль, сформулированная Н. Кондратьевым: «перенесение той или иной идеи из одной науки в другую не может оспариваться, если оно научно плодотворно» [Кондратьев, 2002, 22-23].

В обобщенном виде в кластере положений, удовлетворяющих специфике данной работы, выделены постулаты о принципиальности рассмотрения явлений и процессов в ракурсе изменения элементов, их связей и отношений; волнообразности любых трансформаций, которые, развиваясь прогрессивно в рамках одного временного ряда, могут вернуться к исходному состоянию на последующем этапе; неизбежной корреляции между сдвигами в конъюнктуре как сложной комбинации обстоятельств и периодами подъемов и спадов на рынках.

Нормализация протеста: либеральный тренд демократического развития

Опыт цивилизационной динамики свидетельствует, что потенциал протеста в разных объемах присутствует в любой коллективной среде независимо от специфики организации политического порядка. При тоталитарном либо авторитарном вариантах его конвертация в активность носит спорадический и радикальный характер. Проявления, нарушающие официальный императив дозволенности и вступающие в конфликт с традиционным пониманием приемлемости поведенческого стиля, возникают, чтобы быть подавленными в рамках репрессивного сдерживания либо повлечь последствия в виде формационных замещений, переформатирования управленческих конфигураций.

Протестный активизм является продуктом демократического производства, согласуется с уровнем формирования и зрелости гражданского общества. Его развитие, требуя предпосылочного контекста, предполагающего определенное общественное состояние и наличие ресурсной базы, запускается вслед за институционализацией демократического рынка в условиях открытия юридических и инструментальных возможностей. Речь идет об укоренении избирательной практики, ослаблении суверенитета власти и механизмов статического контроля, а также создании режима благоприятствования для автономизации социума, диверсификации интересов и отношений, расширения свободы самовыражения и ассоциаций. Эволюция института гражданских прав, появление солидарностей пассионариев выступают важнейшими факторами диалектики представлений о протесте от нарратива делинквентности и девиации до нормы, продолжении управленческой ортодоксии нестандартными методами. Иными словами, объективные преобразования срабатывают на перспективу признания протеста, которое фиксируется на многих уровнях.

В подтверждение сказанному есть смысл, в первую очередь, обратиться к пространству концептуального дискурса, значимость которого определяется разработкой универсальных трактовок действительности и парадигмы успешного общественного развития.

Анализ современных теорий показывает, что их авторы, обновляя классическое понимание демократии как народовластия, демонстрируют полиморфизм практик в диапазоне от выборных, промежуточных и квазивариантов до либеральной модели, эксплицируемой в качестве наиболее приближенной к оптимуму формы правления. При этом, если в случае с формально-процедурным подходом в рамках шумпетерской традиции за ключевой критерий маркирования демократичности общественно-политического порядка принимается принцип избираемости и сменяемости власти на основе транспарентно и справедливо реализуемой состязательности конкурирующих политических сил [Шумпетер, 2006, 4-5], то важнейшим индикатором качества демократического состояния жизнеустройства признается обеспечение гражданских прав и свобод, включая артикуляцию мнений и убеждений, репрезентацию позиций, а также оспаривание официальных решений на поведенческом уровне с использованием набора альтернатив.

К примеру, подобное видение демонстрирует Л. Даймонд, отстаивающий принципиальность наличия в кластере обязательных компонентов либеральной демократии обладание гражданами совокупностью реальных шансов и каналов для дискуссий, высказываний, обращений с ходатайствами, участия в собраниях и демонстрациях, интеграции в объединения [Даймонд, 2006, 30]. По его словам, «допуская широкое распространение свободы..., организацию и мобилизацию ущемляемых групп, демократические государства создают почву для уменьшения социальной несправедливости и устранения ошибочных политических решений...» [там же, 32].

Квинтэссенцией теоретических представлений А. Сен является постановка уровня общественного процветания в зависимость от давления, оказываемого на правящую группу. Его сила, по убеждению автора, определяется действием трех прав: избирательного, критики и протеста [Сен, 2006, 383].

Нет никакой антиномии в том, что рефлексировав на каузальность, выводимую в представленных мнениях, обладающих неоспоримым эвристическим потенциалом, логично предположить изначальную заложенность в отредактированной формуле демократии, прежде всего, ее либеральном обрамлении переменной протестного выражения как объективной части системы гражданской мобилизации.

Следующий уровень признания имеет политико-правовой статус. Легализация путем закрепления и регулирования соответствующих отношений в актах международного, конституционного и специального значения служит доказательством того факта, что протестный активизм в его устойчивых проявлениях не только согласован с демократическим началом, когда примат провозглашения личности высшей ценностью задает программу функционирования государственного механизма, но ему придана определенность в соответствии с принципом ограниченной свободы.

К сожалению, «протест» как лексическая единица не получил законодательной реабилитации, о чем свидетельствует его отсутствие в текстах документов, обладающих высшей

или подчиненной юридической силой. Тем не менее, в эмпирически наблюдаемой демократической реальности победила позиция, согласно которой правомочие носителя производно от гарантий гражданских и политических прав, утвержденных системой национальных и наднациональных стандартов. Так, учреждениями, входящими в международный механизм по контролю за соблюдением прав и свобод человека в странах мира и осуществляющими функцию по толкованию норм, например, Комитетом по правам человека при ООН, Межамериканским и Европейским судами по правам человека, права на свободу мысли, слова, мнений, мирных собраний и объединений, прокламируемые в ст. 18-20 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 18-19, 21-22 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 9-11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., интерпретируются, в том числе, как возможность выражать коллективную волю путем участия в пикетах, массовых шествиях, забастовках, демонстрациях, флеш-мобах, формировании лагерей протеста и иных формах конфликтного действия [Suppressing protest, www].

Широкие возможности для политического инакомыслия и протестного выражения демонстрируют основные законы зарубежных стран: британская система прецедентов и конституционных соглашений, Билль о правах, интегрирующий поправки к Основному закону США, Конституции ФРГ, Дании, Швеции, Литвы, Нидерландов, Польши, Чехии.

В то же время, руководствуясь мотивом политической целесообразности, субъекты правотворческой деятельности стремятся ввести протестный процесс в юридические рамки путем регламентации порядка организации и проведения публичных мероприятий, а также принятия санкционных мер за несоблюдение норм дисциплинирующего характера. В качестве иллюстрации можно привести британский закон «Об охране общественного порядка» 1986 г. и немецкий закон «О собраниях и шествиях» 1978 г. В США рассматриваемая область отношений охватывается законодательством штатов, в Канаде – локальными актами местных властей. Применяется и многоступенчатый механизм регулирования. Такая практика имеет место в России, когда параллельно с ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» 2004 г. действует субнациональная система соответствующего права.

Оправданность подобной институционализации очевидна. Во-первых, решается задача по удержанию и приращению уровня доверия населения к правящей элите. Во-вторых, при стремлении правительства любыми способами нивелировать развертывание инсurreкции в предложении контролируемых тактик, замещающих конфронтационные варианты, видится единственно правильный выход. Запрограммированный демонстрационизм призван выполнять функцию каналирования энергии недовольства, имплицитно способствовать развитию рутинных технологий протеста. В-третьих, прескриптивное наделение участников спорного действия паттернами с предсказуемыми последствиями повышает вероятность эффективного обеспечения правопорядка во время проведения акций.

Расположенность политических макросубъектов с гибкими механизмами политических возможностей конструктивно реагировать на стремление социальных акторов использовать

прямые, вне каналов представительства интересов формы оспаривания правительственного курса, отдельных решений, либо трансляции запроса на инклюзию в клуб агентов политического производства, катализирует процессы их легитимации в массовом сознании. На внутриличностном уровне закрепляются когниции-скрипты не просто о допустимости не кооптированной в систему уличной политики, но и ее функциональной значимости с точки зрения осуществления общественного контроля за официальной сценой, сопротивления тенденциям авторитарного свойства, поддержания прогрессивной социетальной динамики.

Многочисленные исследования, проводимые представителями разных направлений западной обществоведческой науки в целом указывают на смещение вектора актуальных до конца 1970-х гг. социальных представлений о протестном выражении как опасном для демократического развития факторе в сторону его постепенного позитивного восприятия в качестве дополнительного канала политического участия [Braun, Hutter, 2013, www: Fatke, Freitag, 2013, 237-260; Norris, 2006, www].

Позиция положительной роли протеста находит понимание и поддержку в академической среде.

В этом отношении показательны взгляды А. Турена, который убежден, что протестные движения «являются фундаментальным условием демократической политической жизни» [Турен, 1998, 123]. Их главное назначение видится в борьбе с концентрацией власти, ее проникновением во все области общественной и приватной жизни [там же, 122, 124].

Дж. Коэн и Э. Арато преобразование социальной ткани атрибутируют природе коллективных действий. Логика последних, по их мнению, способствует формированию новой идентичности, появлению автономных объединений на основе эгалитарных принципов, а также акторов, стилистика деятельности которых меняется от экспрессивно оборонительной к инструментально-наступательной, адаптированной к рамочным требованиям политической организации [Коэн, Арато, 2003, www].

Тезис о концептуализации протеста как нетрадиционного, однако принятого большинством социума эффективного способа акцентировки властного внимания на проблеме, манифестации политических воззрений, демонстрации оппозиции правящей группе поддерживает П. Норрис. На материале данных кроссрегиональных исследований ею выявлена прямая корреляционная связь между уровнем гражданской протестной мобильности и показателями качества государственного управления. Наиболее высокие значения первых автором зафиксированы в самых авторитетных, экономически благополучных, максимально продвинувшихся по пути либерализации государствах Западной Европы – Швеции, Нидерландах, Дании, средние – в хрупких, процедурного типа демократиях и низкие – в автократиях [Norris, 2006, www].

Усвоение аттитудов относительно легитимности мирного протеста не исключает восприимчивости части социального сегмента к коерсивным практикам. Важную мысль по этому поводу высказывает Б. Каммаэрц. По его мнению, в ситуации сбоев в механизмах

делегирования и обратной связи, возрастания неудовлетворенностей, вызванных неспособностью демократического правления выполнять контрактные обязательства по обеспечению свободы, равенства и справедливости для всех тактика символического повреждения собственности и насилия в отношении представителей служб безопасности и политических контрагентов оправдывается в соответствии с правом на сопротивление, исходящим из предшествующего революционного опыта и идей Ж. Руссо. Зрелищность и драматизм спектакля политического насилия создают отчетливую видимость объектам притязаний и решительности субъектов улучшить свои ценностные позиции, провоцируя медиа-резонанс, стимулируют публичную дискуссию. В противовес законным формам выбор жесткого противостояния мотивируется предвосхищением гарантированного эффекта должного властного реагирования [Cammaerts, 2013, www].

Таким образом, из приведенных доводов следует, что политическая либерализация и нормализация протеста – совокупно развивающиеся процессы. Их результирующей является протестная социализация.

Криминализация протеста: вектор демократического процесса на делиберализацию и деконсолидацию

Эмпирическим подтверждением формирования протестного сознания в демократических обществах служит современная практика, отличающаяся уровнем дисперсности и интенсивности проявлений, а также масштабом социального охвата. Значительная часть продукции политического производства, затрагивающей жизненно важные интересы людей, подвергается процедуре неформального согласования на улицах и площадях. Так, в спектре тем 2015 г. наибольший резонанс получили: миграционная политика, произвол органов правопорядка, демократичность выборного процесса, меры жесткой экономии, ограничение свободы СМИ, членство в НАТО и ЕС и др. При этом практикуется параллельное проведение конкурирующими силами акций в поддержку и дезавуирование институтов, агентов, политических решений. Протест распространяется на все страты, вовлекая представителей производственного, аграрного и интеллектуально-технологического секторов, сферы образования, здравоохранения и услуг, культурной элиты и властной иерархии. Известны случаи забастовок полицейских, что девальвирует традиционные ожидания относительно возможного круга участников подобных конфликтных мероприятий.

Устоявшимся трендом становятся диффузные процессы, выход коллективных действий в наднациональную плоскость. Глобализация выступает ключевым предиктором развития протестной интеграции. К примеру, движение «Occupy Wall Street» (сентябрь 2011 г), изначально рассчитанное на внутреннюю аудиторию и охватившее такие города США, как Нью-Йорк, Бостон, Сан-Франциско, Чикаго, Даллас, Лос-Анджелес, Вашингтон, Питтсбург и др., привело к немедленному запуску одноименных проектов в Лондоне, Буэнос-Айресе,

Гонконге, городах Бахрейна и Нигерии. В свою очередь, импульсом для актуализации американского случая послужила мировая протестная мобилизация предыдущих месяцев, представленная движениями «Los indignados» в Испании, «Montreal's casseroles» в Канаде, студенческими выступлениями в Чили, протестами в Египте, Великобритании, Израиле и Греции [Suppressing Protest, www].

Протестно-мобилизационная реальность вызывает смещение баланса взаимовлияний и пересечений политического и неполитического, нарушая субординацию общественных доменов, что не может быть проигнорировано стороной договора, которой делегировано право управления. Наблюдается изменение позиций истеблишмента в отношении автономного выражения, указывающее на снижение индекса официальной толерантности. Принцип диалога, основанного на компромиссном согласовании притязаний, уступает место правовому принуждению в качестве довлеющего аргумента, а также силовой тактике ведомств, ответственных за правопорядок и безопасность.

Рефлексия, связанная с ужесточением ранее закрепленных нормативными режимами правил организации и проведения публичных мероприятий, опосредует акт передачи предупредительного послания от макросубъекта широкой социальной аудитории об ущербности и вредности несущего в себе элементы деструктивности поведения, а также увеличенной ответственности за нарушение обязательных предписаний. Эверсионный тренд на использование легитимного насилия сигнализирует о резистентности политической системы индукционным импульсам, служит репрезентации репрессивной способности власти, ее непреклонности в вопросах купирования, контроля и нейтрализации потенциально возможной или объективированной радикальной активности.

В подобном ракурсе смысл и значение названных инноваций следует определять в категориях эволюционной закономерности, повышения аппроксимации политической программы развитию социетального типа с экспоненциальным ростом участия населения в практиках с прогрессирующей протестной интенсификацией.

Такая версия имеет право на существование. Однако она не является единственной и ставится под сомнение при апелляции к интерпретациям, сопровождаемым доказательственной базой, которые представлены в отчетах, докладах официальных институтов, неправительственных организаций, исследовательских центров, публикациях отдельных авторов, занимающихся проблемами демократического развития и правовой защиты. Вклад интеллектуальной продукции данного рода в объяснительный процесс определяется важным обстоятельством: она произведена в плоскостях горизонтальных и вертикальных транзакций – перекрестной межгосударственной критики в лице инсайдеров, выражающих интересы ключевых агентов, и контролирующей деятельности национальных структур гражданского общества.

Анализ текстов позволяет в очередной раз фиксировать амбивалентность эффекта управленческого действия, которая неизбежно присутствует во всем, что связано с областью по-

литического. В данном случае речь идет о генерируемом в социальной среде альтернативном мнении, в соответствии с которым обозначенные выше сдвиги квалифицируются как криминализация протеста [Akehurst, Purbrick, Robinson, www; Кулаева, Абраменко, 2012, 5].

Институциональные меры оцениваются в качестве правоограничения, разрушающего каноническое ядро партиципаторной культуры и трактуются сквозь призму обструкционизма. В зону отрицания попадает императив о предварительном уведомлении местных органов власти о проведении акции, регламенте и количестве участников, требование заблаговременного согласования трафика движения и лозунгов для демонстрации, кратное увеличение государственных сборов за организацию мероприятий и штрафов за нарушения, допущенные в их ходе. Опасения отсылают к многочисленным примерам использования юридических обобщений и лагун для искусственного возведения бюрократических барьеров, блокирующих реализацию права на протестное выражение [Macías, www; Права человека ..., 2013, www; Take back the streets, www].

С другой стороны, карательная политика в ее правоприменительной материализации все чаще отвергается коллективным сознанием. Объектами претензий выступают: использование силы в нарушение требования строгой необходимости, ее несоразмерность деянию невысокой степени общественной опасности, неизбирательность адресата, исключая точечность применения санкций, а также должностные аномалии, связанные с злоупотреблением полномочиями и пренебрежением сотрудниками правоохранительных институтов юридической формой [Akehurst, Purbrick, Robinson, www; Кулаева, Абраменко, 2012, 43-50].

В пространстве дискурсного продвижения общественно-политической проблематики вопросы милитаризации полицейских подразделений выводятся на первый план. В фокусе внимания – военизированная экипировка и техническое оснащение дубинками, светошумовыми гранатами, электрошокерами, водометами, перцовыми аэрозолями, оружием с резиновыми пулями и боевыми патронами, винтовочными гранатометами, наземным и водным транспортом, летательными аппаратами современной модификации. Антагонизм вызывает *kettling*-тактика, направленная на блокаду потока протестующих с лишением их свободы передвижения, допуска к удовлетворению первичных потребностей и осуществляемая с помощью конных и пеших полицейских кордонов, усиленных кинологаическими группами. В спектре переменных, способствующих эскалации тревожного напряжения, также применение сотрудниками силовых ведомств в отношении безоружных и не обладающих соизмеримой физической натренированностью участников акций отработанных способов жесткого контакта, удушающих приемов, методики оказания давления на уязвимые точки в области головы, шеи и глаз и др. [Права человека ..., 2014, www; Take back the streets, www].

При этом внимание акцентируется на том, что коерсивная тактика обладает обязательным эффектом возврата. Вызывая у субъектов воздействия психологический дискомфорт и болевой синдром вследствие получения ушибов, гематом, увечий, ожогов от химических агентов, иного вреда здоровью разной степени тяжести, в отдельных случаях несовмести-

мого с жизнью, она определяет бессознательную установку потерпевших на не менее агрессивное противодействие. В масштабе сети социальной коммуникации в силу эмотивного заражения она ставится под подозрение в том смысле, что противоречит легитимности, в основание которой имманентно заложен паттерн благополучия личности.

Обе версии, несмотря на альтернативность означивания происходящих процессов, служат в пользу презумпции вступления развитого демократического мира в фазу делиберативного цикла, а процедурных демократий – авторитарного разворота. Очевидно, что если возможность свободного протестного выражения возводится в ранг достижений либерально-демократического развития, то движение в направлении сжатия поля разрешительных условий свидетельствует о регрессии.

Модель динамики демократической современности

С вышеизложенными рассуждениями согласуется графическое моделирование процесса, представленное комбинацией линий: генеральной в виде параболы, отражающей закон двухфазного флуктуационного движения демократии во времени, и четырех винтообразных кривых, имитирующих агрегированное действие двух, существующих в режиме обратной пропорциональной зависимости сил, управляющих восходящими и нисходящими трендами общественного развития. Речь идет об элементах государственного принуждения и общественного давления в форме протеста (рис. 1).

Их соотношение, близкое к единице, свидетельствует о наступлении относительного равновесия между властными и социальными интересами в плане признания предельной полезности свободы коллективного действия и противостоящей ей системы ограничений и предупреждений. Желательное состояние демократической практики достигается исключительно около обозначенной точки баланса.

До данного оптимума на возрастающей волне, свидетельствующей о благоприятной конъюнктуре, идет интенсивный процесс перераспределения потенциалов по либеральному алгоритму. Ослабление пружины государственного принуждения стимулирует раскручивание спирали протеста. Происходит удаление общества от полюсной зоны тоталитарного либо авторитарного типов. В рамках последних в обозначенной паре элементов функция свободы протестного выражения стремится к минимуму при параллельном наращивании контроля элиты до предельных значений.

С другой стороны, по достижению точки баланса инерциальное увеличение свободы протеста приводит к избыточно нежелательным величинам, свидетельствуя о значительной концентрации коэрсивного и анархического компонентов в социальной среде, опасных бифуркацией системы, и потере конструктивного смысла уличной политики. Пребывание демократии в нестабильном положении активизирует механизмы официального регулирования, что означает актуализацию диспропорции в рассматриваемой бинарной комбинации путем

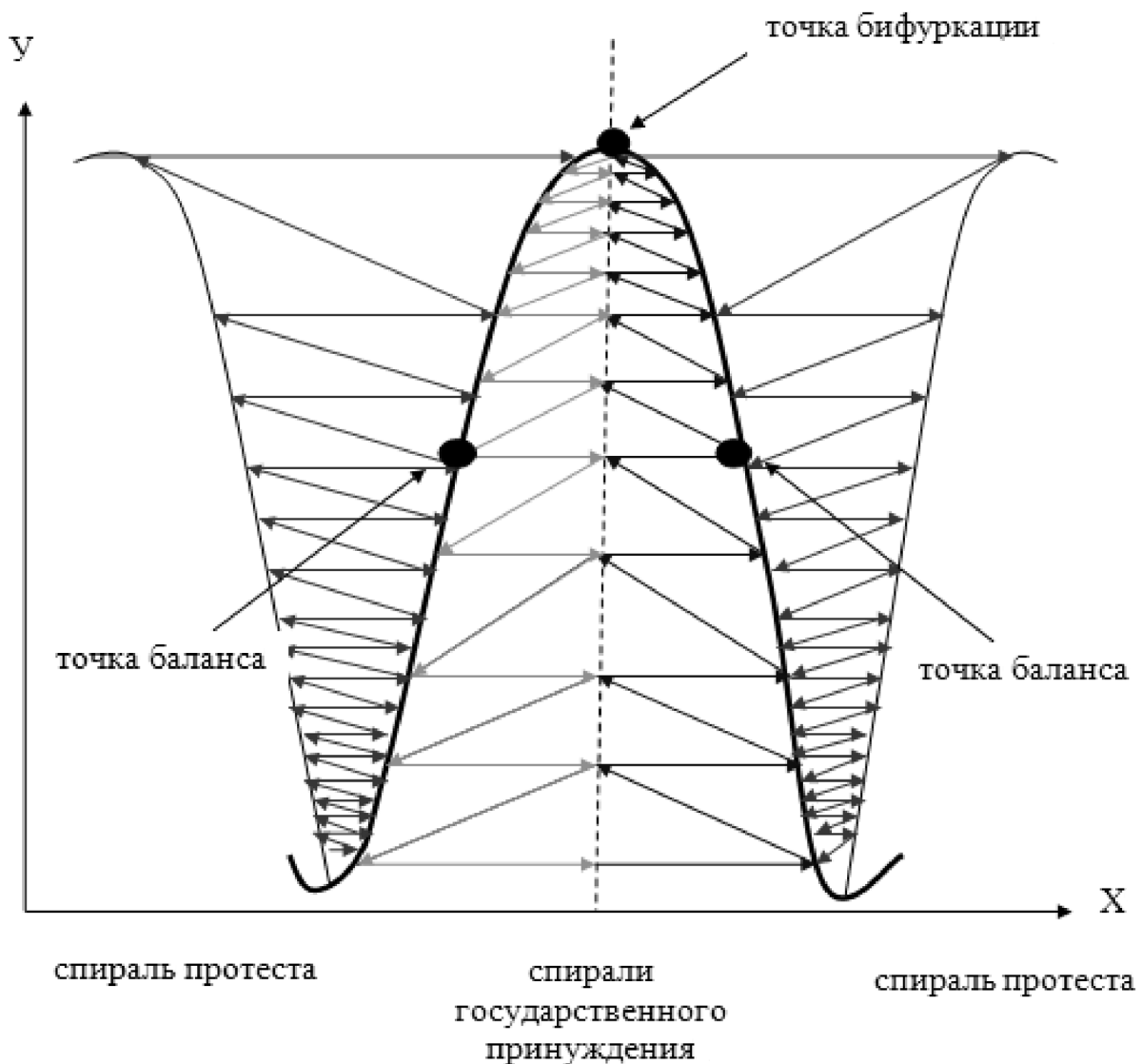

Рис. 1. Модель динамики демократической современности

преодоления соразмерных объемов легализованного права на насилие. Вектор режима смещается в направлении делиберализации и деконсолидации демократии в одних макросубъектах и авторитизации в других. Демократическое развитие вступает в фазу спада цикла.

Экстраполируя выявленные закономерности на ближайшую перспективу, логично прогнозировать кристаллизацию демократических систем в плане устранения элементов энтропии на политическом рынке. Причины видятся в усиливающемся декомпрессионном влиянии факторов глобальной конъюнктуры, дополняющих внутривосточный компонент дестабилизации. Реальные вызовы экономического, политического, военного, террористического, миграционного и иного характера либо их симулякры провоцируют обладателей власти к дальнейшей регламентации внутринациональных отношений, приведению политики правления к эквивалентам, отвечающим параметрам небезопасного общепланетарного движения. В связи с этим можно также предполагать высокую вероятность накопления

напряжения в социальной ткани. Сжатие поля свободы протестного выражения неизбежно риском кумуляции конфликтогенной энергии и консолидации противоборствующих сил.

Заключение

Основной итог работы – воспроизведение в упрощенном и доступном для понимания виде траектории динамики современных демократий. Очевидно, что поочередная смена восходящих и нисходящих трендов общественного развития в пределах либерального цикла является закономерной и происходит по мере ослабления одного из них и появления оснований для актуализации другого. Настоящее состояние является пограничным, и содержание сценария дальнейшего движения зависит от характера доминирующих усилий в конкретном национальном случае.

Главный вывод состоит в том, что соотношение объемов государственного принуждения и степени предоставляемой свободы протестного выражения имеет политическое значение для качества соответствующего развития. Это подтверждается результатами теоретического исследования актуальных процессов, отношений, правовых изменений. Разбалансировка в упомянутой комбинации компонентов ведет к его снижению. Отсюда следует, что данный показатель важно учитывать при изучении состояния обозначенных систем.

Его значимость обусловлена также функцией сигнализации о конфронтационных трендах взаимно направленного социально-властного насилия, опасных реверсом к общественным формам более низкого порядка. Данный факт усиливает серьезность вопроса об обновлении стратегии и тактики в политике интеракций, ключевыми категориями которой должны стать умеренность, дипломатия, консенсус и доверие.

В качестве отдельной части достигнутого результата можно рассматривать подход к выбору методологического инструментария. Логика ориентации на объединение теорий из гуманитарных и точных наук в единый конструкт при условии конгруэнтности идей может быть востребована в иных исследовательских проектах.

Библиография

1. Даймонд Л. Определение и развитие демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 25-33.
2. Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 764 с.
3. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. URL: http://www.ereadr.org/book/nauka_i_ucheba/107702-grazhdanskoe-obshhestvo-i-politicheskaya-teoriya/2
4. Кулаева С., Абраменко О. Цыгане, мигранты, активисты: жертвы полицейского произвола. Правозащитный отчет. СПб.: Мемориал, 2012. 58 с.

5. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федер. закон Рос. Федерации от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (ред. от 02.05.2015 № 114-ФЗ). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901900534>
6. Права человека в Соединенных Штатах Америки: доклад Института демократии и сотрудничества, 2013. URL: <http://www.argument.ru/images/reports/20.pdf>
7. Права человека в Соединенных Штатах Америки: доклад Института демократии и сотрудничества, 2014. URL: <http://www.argument.ru/images/reports/19.pdf>
8. Сен А. Свобода – залог развития // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 383-385.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: «Научный мир», 1998. 204 с.
10. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 4-9.
11. Akehurst T., Purbrick L., Robinson L. Political Protest and the Police: Young People in Brighton (A report on student demonstrations in Brighton, 24th and 30th November 2010). URL: http://arts.brighton.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0019/43804/political-protest-and-the-police-report.pdf
12. Braun D., Hutter S. Trust in Representative Democracy and Protest Behavior. A Multilevel Analysis of European Democracies. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27397/MWP_2013_14.pdf
13. Cammaerts B. The mediation of insurrectionary symbolic damage: the 2010 UK student protests. URL: http://eprints.lse.ac.uk/51938/1/Cammaerts_Mediation_symbolic_damage_2013.pdf
14. Fatke M., Freitag M. Direct Democracy: Protest Catalyst or Protest Alternative? // Political Behavior. 2013. Vol. 35. № 2. P. 237-260
15. Macias A. National students protest against the reform of education sector, Barcelona, 6 February, 2013. URL: http://www.euromedrights.org/eng/wp-content/uploads/2013/11/FOA2013_EN_SPAIN.pdf
16. Norris P. Political protest in fragile states // Political action in fragile states. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/ Acrobat/IPSA%202006%20Political%20Action%20in%20Fragile%20States.pdf>
17. Suppressing protest: human rights violations in the U.S. response to occupy Wall Street: A report of Global Justice Clinic, The Walter Leitner International Human Rights Clinic at the Leitner Center for International Law and Justice, The International Human Rights Clinic, The International Human Rights and Conflict Resolution Clinic, Charlotte School of Law, The Community Justice section of Loyola Law Clinic and The Constitutional Litigation Clinic. URL: <http://cdn.theatlantic.com/static/mt/assets/politics/Suppressing%20Protest.pdf>
18. Take back the streets. Repression and criminalization of protest around the world, October 2013: A report of Open Society Foundations and the Ford Foundation. URL: https://www.aclu.org/files/assets/global_protest_suppression_report_incl.pdf

Fluctuations in proportion of state coercion and protest expressions: movement stimulation of democratic modernity

Ol'ga S. Pustoshinskaya

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of modern history and world politics,
Tyumen State University,
625003, 10 Semakova st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru

Abstract

The article presents the process of development in democratic systems of relations between the authorities and civil society in the field of protest expressions. The objective of the article is to stimulate the trajectory of modern democracies. The basis of the model is the ratio between the level of state coercion and the level of freedom protest. The article is based on the theory of democracy's waves by S. Huntington and the theory cycles of the conjuncture by N. Kondratiev. The author discovers the fluctuation nature of the democratic process: the tendency uplink and downlink liberal dynamics. The attention is focused on the erstwhile evolution of the institute of civil rights, tolerant attitude of the authorities to protest and current regressive changes in legislation, predominance coercion tactics in police activities. On the other hand, the author marks the trend of the protest socialization, mobilization and radicalization in society, orientation to changes in the political market. The author comes to conclusion that it is necessary to find a balance point between the components of state coercion and freedom of protest. This is the basis of the consolidated democratic development. Moreover, focus on unifying theory of Arts and Sciences into a single construct with congruence of ideas may be required in other research projects.

For citation

Pustoshinskaya O.S. (2016) Fluktuatsii v proporsii gosudarstvennogo prinuzhdeniya i protestnogo vyrazheniya: modelirovanie dvizheniya demokraticeskoi sovremennosti [Fluctuations in proportion of state coercion and protest expressions: movement stimulation of democratic modernity]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theory and Problems of Political Studies], 2, pp. 41-56.

Keywords

Democratic process, rights and freedoms, citizen, state coercion, protest expressions, criminalization of protest, model of the dynamics of democratic modernity.

References

1. Akehurst T., Purbrick L., Robinson L. (2010) *Political protest and the police: young people in Brighton (A report on student demonstrations in Brighton, 24th and 30th November 2010)*. Available at: http://arts.brighton.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0019/43804/political-protest-and-the-police-report.pdf [Accessed 23/03/16].
2. Braun D., Hutter S. *Trust in representative democracy and protest behavior. A multilevel analysis of European democracies*. Available at: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27397/MWP_2013_14.pdf [Accessed 13/03/16].
3. Cammaerts B. *The mediation of insurrectionary symbolic damage: the 2010 UK student protests*. Available at: http://eprints.lse.ac.uk/51938/1/Cammaerts_Mediation_symbolic_damage_2013.pdf [Accessed 18/02/16].
4. Cohen J.L., Arato A. (1994) *Civil society and political theory* (Studies in contemporary German social thought). The MIT Press. (Russ. ed. Koen Dzh., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya*. Available at: http://www.ereadr.org/book/nauka_i_ucheba/107702-grazhdanskoe-obshchestvo-i-politicheskaya-teoriya/2 [Accessed 05/03/16].)
5. Diamond L. (2006) *The spirit of democracy: The struggle to build free societies throughout the world*. St. Martin's Griffin Publ. (Diamond L. (2006) *Opredelenie i razvitie demokratii*. In: *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [Theory and practice of democracy. Selected texts]. Moscow: Ladomir Publ., pp. 25-33).
6. Fatke M., Freitag M. (2013) Direct democracy: protest catalyst or protest alternative? *Political Behavior*, 35 (2), pp. 237-260.
7. Kondrat'ev N.D., Yakovets Yu.V., Abalkin L.I. (2002) *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy*. [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works]. Moscow: Ekonomika Publ.
8. Kulaeva S., Abramenko O. (2012) *Tsygane, migranty, aktivisty: zhertvy politseiskogo proizvola. Pravezashchitnyi otchet*. [Roma, migrants, activists: police abuse victim. The human rights report]. St. Petersburg: Memorial Publ.
9. Macias A. (2013) *National students protest against the reform of education sector, Barcelona, 6 February, 2013*. Available at: http://www.euromedrights.org/eng/wp-content/uploads/2013/11/FOA2013_EN_SPAIN.pdf [Accessed 21/02/16].
10. Norris P. Political protest in fragile states. In: *Political action in fragile states*. Available at: <http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/IPSA%202006%20Political%20Action%20in%20Fragile%20States.pdf> [Accessed 11/03/16].
11. *O sobraniyakh, mitingakh, demonstratsiyakh, shestviyakh i piketirovaniyakh: feder. zakon Ros. Federatsii ot 19.06.2004 № 54-FZ* [On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing: Federal Law of the Russian Federation No. 54-FZ of June 19, 2004]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901900534> [Accessed 18/03/16].

12. *Prava cheloveka v Soedinennykh Shtatakh Ameriki: doklad Instituta demokratii i sotrudnichestva* [Human rights in the United States: report of the Institute of Democracy and Cooperation] (2013). Available at: <http://www.argument.ru/images/reports/20.pdf> [Accessed 28/03/16].
13. *Prava cheloveka v Soedinennykh Shtatakh Ameriki: doklad Instituta demokratii i sotrudnichestva* [Human rights in the United States: report of the Institute of Democracy and Cooperation] (2014). Available at: <http://www.argument.ru/images/reports/19.pdf> [Accessed 28/03/16].
14. Sen A. (2000) *Development as freedom*. Anchor Books. (Russ. ed.: Sen A. (2006) *Svoboda – zalog razvitiya*. In: *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [Theory and practice of democracy. Selected texts]. Moscow: Ladomir Publ.)
15. Schumpeter J. (2004) *Capitalism, socialism and democracy*. Surjeet Publ. (Russ. ed. Shumpeter I. (2006) *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya*. In: *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [Theory and practice of democracy. Selected texts]. Moscow: Ladomir Publ., pp. 4-9).
16. *Suppressing protest: human rights violations in the U.S. Response to occupy Wall Street: a report of Global Justice Clinic, The Walter Leitner International Human Rights Clinic at the Leitner Center for International Law and Justice, The International Human Rights Clinic, The International Human Rights and Conflict Resolution Clinic, Charlotte School of Law, The Community Justice section of Loyola Law Clinic and The Constitutional Litigation Clinic*. Available at: <http://cdn.theatlantic.com/static/mt/assets/politics/Suppressing%20Protest.pdf> [Accessed 05/02/16].
17. *Take back the streets. Repression and criminalization of protest around the world, October 2013: A report of Open Society Foundations and the Ford Foundation*. Available at: https://www.aclu.org/files/assets/global_protest_suppression_report_inclo.pdf [Accessed 05/02/16].
18. Touraine A. (1984) *Le retour de l'acteur: Essai de sociologie (Mouvements)*. Fayard. (Russ. ed. Turen A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Moscow: Nauchnyi mir Publ.)